

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСЯЦЕ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИДИМЫХ НА НЕМ ПЯТЕН
В БАЛТИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ¹

С давних пор Месяц считается весьма значимым объектом небесной сферы. Представления о нем, связанные с архаичным мировоззрением, находят довольно яркое отражение в литовской и латышской традиционной культуре, особенно в устном народном творчестве. Этот образ встречается в произведениях различных фольклорных жанров, прежде всего — в этиологических сказаниях, молитвах, обращенных к Месяцу, а также в песнях с определенной тематикой. Персонифицированный Месяц известен в балтийской мифологии как мифический персонаж из сюжета о небесной свадьбе, в котором он выполняет роль жениха Солнца или его дочерей. Однако в данной статье тема «небесной свадьбы» анализироваться не будет, в этой работе хотелось бы сконцентрировать внимание на особенностях образа Месяца и на хорошо сохранившихся в балтийской традиции мотивах, в которых так или иначе упоминается о происхождении пятен на Месяце, напоминающих контуры человека. Эти мотивы и сюжеты, связанные с древним толкованием происхождения мира и его элементов, еще не были исследованы в контексте балтийской мифологии и поэтому представляются весьма интересными и заслуживающими внимания. По-видимому, их можно отнести к довольно раннему периоду, поскольку они встречаются не только в балтийской и индоевропейской мифологии, но и в традициях, весьма далеких от них.

В литовском и латышском повествовательном фольклоре известно несколько сюжетных типов, объясняющих появление пятен на Месяце. Хотя в текстах не объясняется происхождение самого Месяца, в них косвенно отражается природа и сущность этого небесного тела, то есть его концепт в аспекте мифопоэтического мировоззрения. Однако, чтобы понять логику сюжетов с упомянутой тематикой, в большинстве случаев приходится обращаться не только к фольклорному, но и к лингвистическому материалу, дополняющему поле возможных значений описываемого объекта.

¹ При написании статьи была использована Картотека литовского повествовательного фольклора, составленная Брониславой Кербелите и находящаяся в Институте литовской литературы и фольклора.

С целью определения наиболее общих черт образа Месяца прежде всего следует упомянуть некоторые языковые факты. Слова, обозначающие описываемое небесное тело в литовском — *mėnuo* и в латышском — *mēness*, связаны с индоевропейским корнем **meH-* 'измерять'. Месяц воспринимался как средство измерения времени [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 684]. Таким образом, лит. *mėnuo* и лтш. *mēness* имеют не только значение небесного тела, но и связаны с отсчетом времени — месяца как периода времени. В литовских диалектах зафиксировано еще одно наименование Месяца, которое, судя по его корню, можно считать теонимом или названием субъекта, принадлежащего определенной божественной категории. На юго-восток от Литвы, в литовских говорах на территории Белоруссии близ Радуня, Пелясы, Армонишкес, Начи (Вороновский р-н) записано слово *dievaitis (dzievaicis, dievaicis)* 'божок': *Dievaitis žibina, važiuosim in medžiq* 'Божок освещает [путь], поедем в лес' [LKŽ 2, 515]; *Tu primanytum, tai pas dievaitį nueitum* 'Ты бы придумал, так к божку бы пошел' [LKŽ 2, 515].

Следовательно, Месяц может называться божком. Иногда так именуют не только Месяц, но и бога-громовержца Перкунаса, а также некоторых других литовских мифических персонажей (*Dievaitis vėjas* 'Божок ветер', *Dievaitis karionės* 'Божок войны', *Kalninis dievaitis* 'Горный божок', *Dievaitė šventa* 'Богиня святая' — LKŽ 2, 515). Слово *dievaitis* может означать 'сын божества'. На такое значение этого слова указывал Матей Преториус, Йохан Арнольд фон Бранд [Mannhardt 1936, 536; SLT, 526]. Следует отметить, что существительные с суффиксом *-ait-* имеют значение молодости и одновременно происхождения (*karalaitis* 'королевич', *vaikaitis* 'внук', *brolaitis* 'сын брата' — LKG 1, 411, 414). С этой семантикой отчасти связано уменьшительно-ласкательное значение, также свойственное производным с суффиксом *-ait-* (*piemenaitis* 'пастушок', *gyvulaitis* 'животное (с уменьшительным суффиксом)' — LKG 1, 271). Таким образом, указанные значения производных с суффиксом *-ait-*, особенно первое (значение молодости, происхождения), делают возможной интерпретацию слова *dievaitis* как 'сын бога'. Видимо, действительно *dievaitis* могло означать сына бога, то есть молодого бога — как существо божественной природы, стоящее на несколько более низкой ступени в божественной иерархии.

Именование Месяца божком может быть сопоставлено с польским наименованием Месяца *księżyc*. В польском языке Месяц часто называется и словом индоевропейского происхождения *miesiąc*. Однако наряду с последним существует наименование

księżyc, считающееся специфически польским. По мнению исследователей польской традиционной культуры Ежи Бартминьского и Станиславы Небжеговской, это слово означает «młody ksiądz, syn księcia», то есть 'молодой ксендз, сын ксендза' [SSSL 1, 159, 187]. *Księżyc* образовано из старопольского *ksiądz* путем присоединения к корню слова суффикса *-ic*, который используется для обозначения молодых особ (как *panic* от *pan*). Исследователи утверждают, что сначала *księżyc* обозначало только молодой Месяц, позднее этим словом стала называться Луна вообще [SSSL 1, 159, 187]. Нет сомнений, что *księżyc* своим значением и формой схоже с лит. *dievaitis*. Только *dievaitis* ассоциируется с богом, а *księżyc* — с особой, имеющей наивысший статус в социальной сфере — священником, господином, князем. Видимо, когда-то жившие в южной части Литвы литовцы и поляки имели сходные представления о Месяце, хотя этот объект обозначался словами разного происхождения и имеющими разные корни.

Называние Месяца божком свидетельствует о том, что его воспринимали когда-то как молодого бога, божьего сына, или приписывали ему яркий признак божественности, сакральности. Наряду с проанализированными языковыми фактами, все это подтверждается и специфическими фольклорными текстами — молитвами, обращенными к молодому Месяцу. В них очень часто обращаются к Месяцу как к небесному королевичу с просьбами о различных благах — свете, счастье, здоровье, жизненных силах, внутренней чистоте, небесном царстве:

Pamačius jauną mėnesį kalbama 'При виде молодого месяца говорят':

<i>Jaunas mėnuo jaunikaitis,</i>	Молодой месяц молодец,
<i>Dangaus žemės karalaitis.</i>	Королевич неба земли.
<i>Tau aukso ratą,</i>	Тебе золотой круг,
<i>O man sveikatą,</i>	Мне здоровье,
<i>Tau sudilt,</i>	Тебе стереться,
<i>Man gyvent,</i>	Мне жить,
<i>Tau ponystą,</i>	Тебе господство,
<i>Man dangaus karalystą.</i>	Мне небесное царство.

LTt 5, 9396

*Kai pamato jauną mėnulį, tai, buvo, tėvas nusiima kepurį, persižeg-
poja ir sako* 'Когда видит молодой месяц, то, бывало, отец снимает
шапку, крестится и говорит':

<i>Jaunas mėnulaicis</i>	Молодой месяц,
<i>Dangaus karalici,</i>	Небесный королевич,

*Apšvietei dangų ir žemę,
Apšviesk ir mano kūną.*

Осветил ты небо и землю,
Освети и мое тело.

TD 11 (18), 190

Kai pirmą kartą jauną mėnulį, būdavo, pamatys, tai sako 'Когда, бывало, впервые увидят молодой месяц, говорят':

*Jauno mėnuo
Seno tėvo,
Arčystyk kūną
Ir kraują mano.*

Молодого месяца,
Старого отца,
Очисти тело
И кровь мою.

TD 11 (18), 191

Jaunas Mėnuo, kunigaikšti! Tau pilną ratų, o man sveikatų; tau sudiltie, man gyventie.

'Молодой Месяц, князек! Тебе полный круг, а мне здоровье; тебе стереться, мне жить'.

BILMM 18, № 7

Šviesk Mėnesėli! Tau aukso karūna, man laimė viečna.

'Свети, Месяц! Тебе золотая корона, мне счастье вечное.'

BILMM 19, № 27

Итак, в народных молитвах Месяц называют королевичем неба (иногда — неба и земли), князьком, упоминают о его короне и желают ему обрести эту корону. Такие определения показывают, что Месяц является господином, властителем определенной сферы (обычно — неба), имеющим важнейший атрибут героя этого статуса — корону. Кроме того, Месяц, как и предполагалось из его определения как божка (*dievaitis*), считался сыном бога или богом также и по данным фольклора. Встречаются молитвы, в которых к Месяцу именно так и обращаются:

Karaliau, karaliau, Dieva sūnus! Tau šviesybė un dungaus, man un žemes linksmybes.

'Король, король, Божий сын! Тебе светлость на небе, мне на земле веселье.'

LMD III, 161m

Jaunas Mėnuo, sūnus Dievo, tau ant pagados, o man ant sveikatos.

'Молодой Месяц, сын Бога, тебе на погоду, а мне на здоровье.'

BILMM 20, № 45

Jaunas jaunikaiti, dieve karūnaiti! Tau, dieve, karūna, o man iščėstis ir dalia.

‘Молодой молодец, бог коронованный! Тебе, боже, корона, а мне счастье и доля.’

BILMM 19, № 26

Jaunas Mēna, Dievas ponas, tau karūna, man fartūna...

‘Молодой Месяц, Господь Бог, тебе корона, мне фортуна...’

BILMM 20, № 38

Кроме того, в молитвах указывается на высокий статус Месяца, связанный с его божественной сущностью:

Tegul bus pagarbints švies Mēnesēlis. Tau šviesybē, man grožybē; tau dievystē, man žmogystē.

‘Да будет благословен светлый Месяц. Тебе светло, мне красота; тебе божественность, мне человечность.’

BILMM 17, № 3

Pamačiau jauną jaunikaitį. Tau jaunystē, man panystē; man sveikata, tau dievystē.

‘Увидел я молодого молодца. Тебе молодость, мне господство; мне здоровье, тебе божественность.’

BILMM 17, № 4

Видимо, божественная сущность означает быть богом, выполнять божественные функции.

Следовательно, судя по содержанию молитв, обращенных к Месяцу, и по ранее приведенным лингвистическим данным, не возникает сомнений, что описываемое небесное светило принадлежало к сакральной сфере мифического мира и имело высокий статус мифического героя — сына бога или просто бога, скорее всего, молодого. Такое определение Месяца позволяет оценить его место в мифологическом универсуме и помогает понять смысл фольклорных текстов о появившихся на Месяце пятнах, логику этих сюжетов в контексте мифологического мышления.

Самый типичный сюжет, которым в литовских и латышских сказаниях объясняется появление на Месяце очертаний антропоморфного существа, — это рассказ о девушке, шедшей за водой с коромыслом. Ее ловит и притягивает к себе Месяц. С тех пор и видно, как она с Месяца смотрит на землю:

Mėnesyje paveikslas esąs panelės su naščiais vandens, nes vieną kartą jai einant į ežerą vandens iš tų mėnulis ją pagavo, o ji dabar ir žiūri į žemę.

‘На месяце образ девушки с коромыслом, потому что однажды, когда она шла к озеру за водой, ее месяц поймал, вот она теперь и смотрит на землю.’

LTR 1069 (26); см. также LTR 1170 (13); 1300 (50)

Reiz vecos laikos noticis tā. Bijis sestdienas vakars, visi māju laudis gājuši uz pirti. Pirti pietrūcis ūdens, ko mazgāties. Viena sieviete, tāda pati kaila, paņēmusi kāšus uz pleciem un gājusi pēc ūdens. Mēnesis spīdējis gan, bet nebijis tik spoži gaišs. Sieviete saskaitusies, pagriezusies pret Mēnesi, rādījusi uz to ar pirkstu un teikusi: «No manis jau tad vairāk var redzēt nekā no tevis». Mēnesis par to sadusmojies un uzrāvis sievieti ar visiem kāšiem augšā. Tādēļ Mēnesī esot cilvēks ar kāšiem uz pleciem. Šai teikai veci cilvēki tic ļoti un neļauj pat ar pirkstu uz Mēnesi rādīt.

‘Однажды в старые времена было так. Был субботний вечер, вся семья шла в баню. В бане не хватило воды для мытья. Одна женщина, как была голая, взяла коромысло на плечи и пошла за водой. Светил Месяц, но было не очень светло. Женщина разозлилась, повернулась к Месяцу и, показывая на него пальцем, сказала: «От меня больше света, чем от тебя». Месяц за это рассердился и утянул женщину с коромыслом наверх. Итак, на Месяце есть человек с коромыслом на плечах. Старые люди очень верят в это сказание и не позволяют показывать на Месяц пальцем’.

LTT 39

Объяснение пятен на Месяце тем, что там виден силуэт женщины с коромыслом и ведрами, широко распространено во многих мифологических традициях. Татары в Западной Сибири рассказывают, что много лет назад женщина с ведрами, полными воды, была сослана на Месяц за плохое поведение [МНМ 2, 80]. Женщина с коромыслом и ведрами, шедшая за водой, связывается с Месяцем и в мифологии нивхов [МНМ 2, 80]. Аналогичные представления известны и якутам. Говорят, что стоявшую у ивы девушку с коромыслом и ведрами забрал Месяц. До сих пор ее там видно [МНМ 2, 682]. Таким образом, видимая на Месяце женщина с коромыслом и ведрами, то есть с приспособлениями для забора и переноса воды, является универсальным представлением, встречающимся в разных традициях, даже не родственных, не связанных между собой. Комплекс составляющих эту мифологему элементов отражает существенные особенности Месяца в архаическом мировоззрении — указывает на его связь с водой и женщиной.

Тесная связь Месяца и воды соответствует архетипу, отмеченному в памятниках духовной культуры многих народов. Характерные лейтмотивы индийской народной традиции — «Месяц в воде» и «из-за Месяца идет дождь» [Элиаде 1999, 158]. У многих племен американских индейцев Месяц или бог Месяца является одновременно и богом Вод. Одно из племен средней Бразилии называет дочь бога Месяца матерью Вод. В мексиканских верованиях утверждается, что от Месяца зависит влажность. Кроме того, еще в древности была замечена связь Месяца с приливами [Элиаде 1999, 159].

На близкую связь Месяца и воды в латышской традиции указывает такое верование. Затмения Луны в Латвии объяснялись действием чар ведьм или злых сил. Во время затмения следовало поставить у окна ведро с чистой водой, чтобы Луне стало легче [Т 3, 1231, № 20174]. Связь Месяца с дождем раскрывается в сказании о находящемся на нем человеке, который обзревает мир. Если кто-то хочет, чтобы пошел дождь или наоборот, то при свете Месяца должен пойти в поле и просить его об этом. Если сможет так попросить, что Месяцу понравится, то он выполнит его просьбу. Если человек не сумеет обратиться к Месяцу правильно, то тот не будет его слушать. Поэтому дождь не идет в одно и то же время во всех странах мира, а только там, где кто-то сумел выпросить его у Месяца [ЛТТ 38–39].

Литовцы при свете Месяца исполняли ритуалы с водой, надеясь, что это спасет от болезней, придаст телу красоты, лицу — свежести:

Sustok ir nepasikrutindamas sukalbėk tris «Sv. M.» Paskum, jei lygiai toj vietoj, kur stovėjo dešinė koja, apsiprausi vandeniū, tai apsisaugosi nuo visokių ligų.

‘Стань и не шевелясь произнеси три раза «*Sveika Marija*». Потом, если ровно в том месте, где стояла правая нога, обольешься водой, то убережешься от всяких болезней.’

Sustok ir pradėk šaukti: «Vandenio!» Kai atneš, tai greit nusiprausk ir paskum niekam nieko nesakyk, tai bus škaistus ir be spuogų veidas.

‘Стань и начни кричать: «Воды!». Когда принесут, быстро умойся и потом никому не говори, будет свежее лицо и без прыщей.’

Kai užmatai jauną Mėnesį, tai toj pačioj vietoj sukalbėti tris «Sv. M.» ir vandeniū apsiprausti — tada išnyks nuo veido karpos ir skregždės.

‘Когда увидишь молодой Месяц, на том же месте надо произнести три раза «*Sveika Marija*» и водой умыться — тогда исчезнут с лица бородавки и веснушки.’

Mergaitės, kad gražesnės būtų, mėnesienoj prausias.

‘Чтобы стать красивее, девушки умываются при свете месяца.’

BILMM 22

В одной молитве, записанной по-польски в Вильнюсском районе от литовской информантки, у Месяца просят воды: *Swięci młodi, Podaj mne vodi. Nichpovi telo mnie čista* [TD 11 (18), 191].

Таким образом, по данным представленного здесь литовского и латышского фольклорного материала очевидно, что в балтийской традиции, как и во многих других упомянутых здесь традициях, Месяц имел отношение к воде, дождю и влаге.

Другая характерная особенность Месяца, о которой упоминалось при описании сюжета о видимой на этом небесном светиле женщине с коромыслом, — его связь с концептом женщины. Это очень архаичное представление, известное многим традициям. Уже в древности отмечалось, что период смены фаз Луны (лунный месяц равен примерно 29,5 суткам) связан с менструальным циклом. Поэтому *homus religiosus*, стремясь понять логику и причины этой связи, пытался это объяснить необычной — сверхъестественной силой Луны, влияющей на существование женщины, разделяющей ее жизнь на значительные, ритмически повторяющиеся циклы, которые отражали периоды ее плодородия и способности быть продолжательницей рода².

Месяц входит в поле концепта женщины и близких женщине понятий и в связи с некоторыми другими его свойствами — как известно, он имеет отношение к растительности и плодородию. Плодородие — прерогатива женского пола, а растительность — функция земли, которая с древности сравнивается с рожавшей женщиной как объект, подвластный ей и неотделимый от нее. Растения зависели не только от земли, ее плодородных сил, но и от космических ритмов, особым образом связанных с фазами Луны. Известен целый комплекс народных поверий, регламенти-

² Связь Месяца с менструациями подтверждают и языковые данные. Лит. *mėnuo*, лтш. *mēness* родственны словам, обозначающим менструацию: лит. *mėnesinės*, лтш. *mēncšreizes*. Небесное тело и женские циклы называются словами, основанными от одного корня *mēn-*. О том, что эти понятия с древних пор могли быть связаны, свидетельствует зафиксированное у литовцев Радуня и обозначающее менструации слово *dievaitinė*, образованное от специфического, характерного для жителей тех мест обозначения Месяца словом *dievaitis*: *Kai moteris serga dievaitine, tai neina linų ravēt, nes linai būna margi, rūdžiuoti* ‘Когда женщина болеет *dievaitine*, то не идет лен собирать, потому что лен бывает пестрый, рыжий’ [LMD III, 57b/7]; *Moteriai dievaitinė, o girtuokliui plėškelė, tai tas pats* ‘У женщины *dievaitinė*, а у пьяницы — фляжка, это то же самое’ [LKŽ 2, 515].

рующих сельскохозяйственные работы, то есть указывающих, когда какие растения сажать или сеять, в зависимости от фаз Луны. По устоявшимся правилам, колосовые злаки, особенно яровые, засеивались при молодой Луне, поскольку они растут поверх земли, а корнеплоды, урожаем которых находится под землей, засеивались при старой Луне [B1LŽPT 155]. Следовательно, молодой Луне подчинены растения, тянущиеся вверх, имеющие плоды в наземной сфере, а старой Луне — те растения, плоды которых созревают под землей, в хтонической области. Таким образом, пшеница, ячмень, овес обычно сеялись при молодой Луне [B1LŽPT 45, 49, 52]. Только рожь чаще сеяли в последнюю фазу луны, перед полнолунием или в само полнолуние [B1LŽPT 37, 155], горох — чаще при старой Луне [B1LŽPT 55, 155]. Овощи: картофель, свеклу, огурцы — обычно сеяли или сажали при старой Луне или в полнолуние [B1LŽPT 75, 98, 105]. Однако в зависимости от региона эти правила несколько варьировались. Таким образом, совершенно очевидно, что с давних пор была подмечена зависимость плодородия растительного мира от Луны и ее фаз. Такая тесная связь растительности и Луны ассоциируется с подобным взаимоотношением Луны и женских ритмов.

В литовском и латышском фольклоре Месяц — персонаж мужского рода. К мужскому роду относятся и слова, обозначающие это небесное светило. В русском языке наряду со словом *месяц* мужского рода есть и слово женского рода *луна*. Греческое божество, олицетворяющее Месяц, — женского пола — Селена. В мифологии римлян известна богиня ночного света Луна. В китайской мифологической традиции, где роль Месяца в народном календаре и в праздниках особенно важна, это небесное тело воплощает женское начало *инь*, символизирующее пассивность, темноту, холод, в то время как Солнце представлялось воплощением силы *ян*, которая характеризуется как мужская, активная и позитивная [МНМ 2, 79]. Женское обличье Луна могла иметь и у мексиканцев [Элиаде 1999а, 304].

Таким образом, Месяц в мифах народов мира может представляться существом как мужского, так и женского пола. Трудно сказать, какой из этих вариантов более архаичен. Одно понимание Месяца могло сложиться в матриархальной культуре древней Европы, другое — в индоевропейской. Сейчас эти два уровня слились и составляют единый слой дохристианских религиозных воззрений. В большинстве случаев выделить в нем уровни двух элементов дохристианской религии очень сложно. Если Месяц, судя по происхождению обозначающего его слова, относится к ин-

доевропейской мифологии, то можно утверждать, что соответствующее небесное тело, представляющее этот мифологический пласт в балтийской традиции, было мужского рода.

Судя по данным многих мифологических традиций, Месяц как персонифицированный герой играл роль партнера женщин в сфере интимных отношений, жениха *par excellence*. В традициях некоторых народов встречаются поверья, что Месяц, приняв образ мужчины или змеи (змея воспринималась как эпифания месяца), соединяется с женщиной [Элиаде 1999, 163]. По поверьям австралийцев, Месяц в облике Дон Жуана спускается на Землю, оплодотворяет женщин, а потом их бросает. Папуасы считали, что менструации — это доказательство половых сношений женщины с Месяцем. Эскимосы думали, что незамужние женщины боятся смотреть на Месяц, чтобы не забеременеть [Элиаде 1999, 163].

Поверья о том, что Месяц имеет отношение к любовной сфере, известны и в балтийских и славянских традициях. В Литве бытуют обращения к молодому Месяцу с целью увидеть во сне любимого, будущего мужа. Для этого произносились молитвы Месяцу, совершались определенные магические действия. Говорят, что, когда появляется молодой Месяц, нужно смотреть на него и спрашивать: *Jaunas, jaunas, pasakyk, kur yra mano jaunasis* 'Молодик, молодик, скажи, где мой молодец' [BILMM 23, № 76]. Впервые увидев молодой Месяц, следовало встать, подумать о каком-нибудь парне и прочесть три раза «*Sveika Marija*». После этого ни с кем не разговаривать и идти спать [BILMM 23, № 79; см. также № 73]. Или, впервые увидев молодой Месяц, девушка должна была ни шагу дальше не ступать, нагнуться, взять из-под ног горсть земли, завязать в платок, не говоря ни слова лечь и положить этот платок с землей под голову, тогда она увидит во сне своего суженого [BILMM 23, № 78; см. также № 75]. Следовательно, здесь Месяц понимался как посредник в любовных делах девушек, показывающий посредством «того» света (представлялось, что сон, сновидения — один из способов в него попасть), кто будет их женихом.

В польских сонниках Месяц является метафорой самого жениха. Утверждается, что если девушка увидит во сне Месяц, это значит, что ее ждут «кавалеры», если увидит женщина — забеременеет [SSSL 1, 169]. Кроме того, о представлении Месяца в образе жениха, да еще неверного, свидетельствует фразеологизм *kawaler księżycyca*, обозначающий неверного любовника [SSSL 1, 169].

В немецких народных поверьях также отражается явная связь Месяца с любовной сферой, как правило, — с желанием найти

любимого. Первый раз увидев молодой Месяц, нужно рукой послать ему три поцелуя (*Kußhände*) и сказать: *Lieber Mond, sage mir, wenn ich werde haben zum Manne hier, und der, von dem man in der darauffolgenden Nacht träumt, ist der Zukünftige* 'Милый Месяц, скажи мне, когда у меня будет муж, — и тот, кого следующей ночью видят во сне, будет суженый' [HDA 6, 486–487]. Во время первой фазы Луны составлялись брачные договоры и праздновались свадьбы. Считалось, что брак, заключенный в такое время, гарантирует молодым пополнение богатства и удачу в хозяйстве [HDA 6, 487]. Сам Месяц в немецком фольклоре мог выступать в роли любимого. В одной молитве к нему обращаются с просьбой спуститься и поцеловать приглашающую его девушку:

<i>Lieber Mond, ich bete dich an,</i>	Милый Месяц, я почитаю тебя,
<i>Du hast keine Frau,</i>	У тебя нет женщины,
<i>und ich keinen Mann.</i>	а у меня мужчины.
<i>Wenn du nur so denkst wie ich,</i>	Если ты согласен,
<i>So komm herab und küsse mich.</i>	Спустись и поцелуй меня.

HDA 6, 509

О том, что персонифицированный Месяц в балтийской мифологии мог выполнять роль жениха, супруга (да еще и с «донжуанскими» наклонностями) в небесной сфере и воображаемой там «жизни», можно судить по сюжету свадьбы Месяца и Солнца (или его дочерей), который особенно распространен в латышском песенном и повествовательном фольклоре и представлен немалым количеством вариантов. В латышских песнях с этой тематикой рассказывается о том, что Месяц женится на дочери Солнца, и описывается сама свадьба: какова свита молодоженов, кто в нее входит, как прибывает Перконс и, въезжая в ворота, раскалывает золотой дуб [LTdz 8193; 8194; JLMD 361; Biezais 1972, 503]. В сказаниях зафиксирован сюжет о свадьбе Месяца и Солнца, об их счастливой жизни, спокойное течение которой нарушает неверность Месяца [LTT 36–37]. Известны и два варианта литовских сказаний о супругах Месяце и Солнце и их дочери Земле [LTR^b (163); 4239 (163)]. В литовских песнях также фигурирует мифологема Месяца и Солнца как супружеской четы (отца и матери), однако здесь она скорее напоминает метафору. Эта мифологема могла попасть в песни в качестве архетипа, который теперь интерпретируется, как правило, как поэтический прием, часть «творческого материала», используемого для поэтизации:

Sėde mana tėvutis, Сидит мой батюшка,
Čiuto, čiuto, Чюто, чюто,

Kai danguoje mėnuolis Как на небе месяц
Čiuto, čiuto, Чюто, чюто,

<...>

Sėde mana močiutė, Сидит моя матушка,
Čiuto, čiuto, Чюто, чюто,

Kai danguoje saulė, Как на небе солнце,
Čiuto, čiuto. Чюто, чюто.

SIS 622 (см. также SIS 623; 625)

В песне сирот Месяц и Солнце сравниваются с отцом и матерью как заменяющие их персонажи:

Kurčias miškas be gegutės, Глух лес без кукушки,
Taip aš jaunas be močiutės. Так я молодой без матушки.

Teka danguj Sauliutėlė, Встает на небе Солнышко,
Tai ten mano motinėlė. Так там моя матушка.

Teka danguj Mėnesėlis, Встает на небе Месяцок,
Tai ten mano tėvutėlis. Так там мой батюшка.

LTR 2312 (197)
(см. также LTR 2247 (43);
2261 (22); 2312 (194))

Мы видим, что образ Месяца как жениха или отца, а Солнца — как невесты или матери засвидетельствован в латышской и литовской устных традициях — и в произведениях чисто «небесной тематики», и в текстах, в которых люди сравниваются с небесными телами. Видимо, эти представления имеют глубокие корни в мировоззрении балтов.

Если рассматривать Месяц в таком контексте — как жениха из потусторонней сферы, как небесное тело, тесно связанное с женской природой, с циклами плодородия, как посредника в завязывании любовных связей и в поисках суженого для девушки — можно было бы попытаться проинтерпретировать сказания о девушке, притянутой к себе Месяцем. Следует еще раз напомнить и проанализировать сюжет этого типа. Примечательны латышские

тексты о женщинах или девушках, которые идут за водой голыми — прямо из бани, где они мылись. Вот один из этих текстов:

Divas meitas gāja no pirts plikas pēc ūdens, abām bija nestules uz pleciem. Pilns Mēness spīdējis tik gaiši kā dienā. Viena meita teica uz Mēnesi: «Mani gurni spožāki nekā tu!» Dievs nolaida garu lenti, kas jaukās krāsās laistījās. Meitas ņēmās viņu ķert. Tā noķēra, kas nievāja Mēnesi. Lente atkal satinās un uzrāva meitu ar visām nestulēm līdz. Lente bija pats Mēness, ko Dievs atritinājis. Vēl šo baltu dienu meitu var redzēt Mēnesī ar visām nestulēm.

‘Две девицы шли голые из бани за водой, обе с коромыслами на плечах. Полная Луна красиво светила как днем. Одна девица сказала Луне: «Мои бедра лучше светят, чем ты!». Бог опустил длинный пояс, он сверкал всеми цветами. Девицы бросились его ловить. Схватила та, которая ругала Луну. Пояс снова свернулся и утянул девицу вместе с коромыслом. Пояс и был Луной, развернутой Богом. И сейчас еще можно на Луне увидеть девицу с коромыслом’.

LTT 39

Таким образом, Луна, превратившись в пояс, опустившийся до земли, утягивает к себе пошутившую девушку вместе с коромыслом.

Голую женщину, идущую из бани, притягивает Месяц и в литовской быличке:

Mėnasy matam bobų su naščiai. Buva šit. Boba prausias pirty ir pristiga undenio. Nu tai išėja nuoga šulnin atnešt' undenia. Tuo čėsu pašvetia mėnuo pra debesis ir boba tik nujakia [pajuto], kad jau kelias aukštyn. Tai matai: mėnuo bobų pritraukia, ti ana ir pa šiai dienai matas stovi.

‘На Месяце видна баба с коромыслом. Было так. Баба мылась в бане и не хватило воды. Ну и вышла она голая принести воды из колодца. В тот момент показался месяц из-за туч и баба не успела почувствовать, как уже поднялась вверх. Так что видишь: месяц притянул бабу, вот она и по сей день там видна’.

LTR 2281 (6)

В некоторых вариантах описываемого типа сюжетов говорится о том, что Месяц слишком тускло светит. Идущая за водой девушка ему кричит, что ее зад светит ярче, чем Месяц. Это звучит как глумление над Месяцем:

Kitą kartą viena mergelė vakarop ėjusi į upę su viedrais vandenu parnešti, o mėnuo buvęs pilns, tik nelabai švietęs. Tai toji mergelė eidama pasakius: — Mano subinė labjaus švieč nekaip tas mėnuo! Teip tuoj tame akies mirksny mėnuo ir įtraukęs ją į save (teip kaip Minhauseno kirvelį) su

viedrais ir nēšiais. Ir dabar, kad gerai įsisteb į mėnesį, gal matyti mergą su nēšiais bestoviančią mėnesyje. Ir jin ten stovėsianti lig sūdnos dienos.

‘В другой раз шла одна девушка вечером на реку с ведрами принести воды, а луна была полная, только светила не очень. Так та девушка ей и сказала: — Моя задница лучше светит чем эта луна! Так в то же мгновение луна и утянула ее к себе (как топорик Мюнхгаузена) с ведрами и коромыслом. И теперь, если хорошо всмотреться в луну, можно увидеть девицу с коромыслом, стоящую на ней. И будет она там стоять до судного дня’.

ŠLSP 26

Иногда девушка даже показывает Месяцу задницу. Из-за этого ее забирают на Месяц:

Mergaitėėjusi su neščiais vandens nešti, ir mėnulis tuomet mažai švietęs. Ana ir sako:

— *Jei švieti, tai šviesk!*

Ir, atsiplėšusi sijoną, parodė nuogą užpakalį. Mėnuo ją ir įtraukė savyje. Ir dabar, kai žmonės į ją rodo, jai labai sarmata, todėl ir negalima pirštu rodyti.

‘Шла девица с коромыслом за водой, а месяц в это время слабо светил. Она и говорит:

— Если светишь, так свети!

И, задрав юбку, показала ему голую задницу. Месяц ее и притянул к себе. И теперь, когда люди на него показывают, ей срам большой, поэтому и нельзя пальцем показывать’.

LTR 1083 (167)

Нередко Месяц, притягивающий девушку, изображается как персонифицированное существо:

Vieną kartą gulėja mergina su bernu. Jie begulėdami pamatė mėnasį. Bernas tadū saka: «Ot gražiai šviečia mėna». Merga jam atsakė: «Mėna gražiai šviečia, bet mana šikinė dar gražiau». Tadū mėna labai užpyka un mergās, nulaidė nematomą kablį ir pradėja merga kilt aukštūn. Teip mėna ir užtraukė un savį.

Seniau būdava labai znočna, o dabar jau nebe teip, mat gal ana ti vaikšta ir taliau kur nuveja, ba tas dalykas buvo labai seniai.

‘Однажды лежала девушка с парнем. Увидели они месяц. Парень тогда и говорит: «Вот красиво месяц светит». Девица ему отвечает: «Месяц красиво светит, но моя задница еще красивее». Тогда месяц разозлился на девицу, спустил невидимый крючок, и начала девица подниматься вверх. Так месяц и утянул ее к себе.

Когда-то давно было очень заметно, а сейчас уже нет, может она там ходит и дальше, может ушла куда, ведь это было очень давно'.

LTR 2412 (6)

Seniai labai seniai, da mūsų nei vieno nebuvo ant svieto. Vienam vakari ėjo boba su naščiais vandeniū. Šviete mėnesėlis, gal ti buvo dilčius, kad visiškai mažai švietė. Bobai labai tamsu buvo eiti. Pradėjo boba supykus unt mėnesio bartis: «Tai švietėjas, tai mėnuo, nieko nesimato nei kur eiti, geriau aš su savo rūru pašviesčiau». Kaip boba teip barėsi, niekino jį, mėnuo baisiai užpyko. Kad traukė bobų su naščiais ir viedrais. Ir prilipo boba prie mėnesio. Ir džiauakis boba, nebebus tamsu. Ir dabar po šiai dienai tebėr boba su naščiais. Tik reikia gerai įsižiūrėti.

'Давно, очень давно, никого из нас еще не было на свете. Однажды вечером шла баба с коромыслом за водой. Светил месяц, может он уже был ущербный, совсем слабо светил. Бабе очень темно было идти. И, разозлившись, начала баба на месяц ругаться: «Что за свет, что за месяц, ничего не видно, куда идти, лучше бы я своим задом посветила». Баба так ругалась, унижала его, что месяц страшно обиделся. Как утянет бабу с коромыслом и ведрами. И прилипла баба к месяцу. И на радость бабе не будет больше темно. И теперь по сей день там баба с коромыслом. Только нужно хорошо присмотреться'.

LTR 2083 (852)

Месяц реагирует на глумящуюся над ним женщину как человеческое существо — он злится. Тогда он и забирает женщину к себе.

Можно было бы посмотреть на сюжет о притягивании женщины Месяцем с позиции описанных выше архетипов — опираясь на довольно универсальное, встречающееся в разных частях света и в различных традициях, представление о том, что между Месяцем и женщиной существует глубокая и тесная связь. Конечно, это только предположение или просто повод для размышления. Все-таки возникают сомнения в том, является ли такая интерпретация логичной, поскольку существуют сюжеты сказаний, в которых Месяц притягивает существ мужского пола (они будут проанализированы далее). Правда, можно было бы предположить, что сказания о находящемся на Месяце мужчине имеют более позднее происхождение, как и те рассказы, в которых описывается, что на Месяце пребывает легендарный персонаж Твардовский или библейские Каин и Авель [LTR 909 (33); 1252 (315); 1640 (137); 4646 (10)]. Без сомнения, последние являются очевидными следствиями трансформации сказаний о происхождении пятен на Месяце.

Поскольку Месяц мог считаться божком и мифическим небесным существом, связанным с сакральной сферой, то, как уже упоминалось, он скорее всего представлялся потусторонним объектом, принадлежащим другому уровню мифического мира. Чувствуя влияние смены лунных фаз, человек считал себя зависимым от этого небесного тела и даже испытывал при виде его необычное чувство — сильное переживание, внушающее страх, который может расцениваться как религиозный страх. По этим причинам требовалось безусловное почитание Месяца, соответствующее поведение по отношению к нему.

В Латвии записано сказание о том, как однажды человек шел из бани и показал на Месяц пальцем. Месяц разозлился и притянул этого человека к себе. Поскольку в это время два пальца человека были подняты, то он так и остался на Месяце с поднятыми пальцами [ЛТТ 39]. Убеждение, что на Месяц нельзя показывать пальцем, проявляется во многих латышских поверьях. При нарушении этого запрета Месяц забирает человека к себе [Т 3, 1232, № 20189; 1233, № 20208; 20209]. В литовских сказаниях также упоминается, что нельзя показывать пальцем на Месяц [LMD I, 1063 (1351)]. Показывать пальцем на всеми почитаемый объект считалось знаком неуважения. В Литве детям запрещается показывать пальцем на Солнце, на молнию, сверкающую во время грозы [LTR 763 (37)]. Солнце, молния, как и Месяц, — объекты, связанные с иерофанией, то есть проявлением святости. Поэтому, видимо, в их адрес не допускается упомянутое действие.

В Польше также не разрешается показывать пальцем на почитаемые объекты природы — Месяц и Солнце [SSSL 1, 127, 165]. Последствием нарушения этого запрета в отношении Месяца могла быть смерть родителей, одеревенение пальцев, ночное недержание мочи, выпадение из рук и разбивание различных предметов, таких как кастрюли, блюда, стаканы, яйца [SSSL 1, 165].

Требование уважительного отношения к Месяцу касалось всех, даже детей. Люди, не соблюдающие это утвердившееся в сознании правило, наказывались. В Латвии рассказывали о мальчишке, несшем в баню воду коромыслом. Была лунная ночь. Мальчику показалось, что Месяц смеется над ним. Тогда, разозлившись, он показал Месяцу язык. Месяц и притянул его с коромыслом [ЛТТ 40]. Видимо, люди верили, что сам Месяц оценивает проступок и наказывает провинившегося.

Таким образом, восприятие образа Месяца как божественного объекта требовала особого отношения к этому небесному светилу.

С давних пор время праздников, так же как и воскресные дни, были особым образом маркированы. Однако в сельской местности, видимо, встречались люди, не обращающие внимания на это общепринятое требование. Устная традиция балтов сохранила сюжетный тип, который обобщенно можно было бы описать так: человек, работающий в праздничный день, наказывается — за это он оказывается на Месяце. Литовское сказание повествует о том, как одна вдова во время праздника послала детей за дровами в лес. Когда один из детей — Йонукас — собирал ветки, Бог разозлился и поставил этого ребенка с охапкой хвороста на Месяц [LTR 768 (393)]. О человеке, который нес охапку хвороста и был притянут Месяцем, рассказывается и в латышских сказаниях. Действующим лицом в одном из сказаний с подобным содержанием является сапожник. Он был очень скупым и поэтому работал каждый день до позднего вечера. Даже в воскресные дни он ходил в лес за дровами. Однажды воскресным вечером, когда сапожник нес дрова лесом, светил яркий Месяц. Сапожнику это не понравилось, и он, показав Месяцу «нос», пошел домой. Так он работал всю неделю. В следующее воскресенье он опять нес из леса дрова и показал Месяцу язык. Еще через неделю сапожник, возвращаясь из леса с дровами, начал ругать Месяц и бросать в него камни. В конце концов этот человек был наказан. Он вместе с дровами полетел вверх — с тех пор он и виден на Месяце с охапкой дров на плечах [LTT 41]. В этом сказании сапожник, видимо, наказывается не только за то, что работал в воскресенье, но и за то, что издевался над Месяцем, всеми почитаемым и обожествляемым небесным телом. Однако встречаются варианты сказаний, в которых явно прослеживается мысль, что человек оказывается на Месяце только из-за того, что пренебрегает праздниками ради повседневной работы. В одном варианте, отражающем эту мысль, рассказывается, что однажды в воскресенье мужик пошел в лес набрать хворосту. Собрав большую вязанку, отправился домой. По дороге встретил старичка, который его спросил, почему он работает в воскресенье — это плохо. Разозлившись, мужик закричал на старичка, в образе которого явился сам Бог. В тот же момент Бог отправил мужика со всей вязанкой хвороста на Месяц. Пусть каждый, увидев его, помнит, что в воскресенье работать нельзя [TPD 12].

Сюжет о человеке, работавшем в воскресенье и наказанном за это отправкой на Месяц, известен в достаточно широком ареале. Кроме литовского и латышского фольклора, он зафиксирован в польском, немецком устном народном творчестве [SSSL 1, 168; HDA 6, 512–513].

От том, что период изменения качества времени, перехода из *profanum* в *sacrum* считался особенно значительным, полным странных происшествий и тайн, свидетельствуют сказания об отправленной на Месяц женщине, которая не соблюдала запреты, связанные с ночью перед Рождеством и происходящими в это время проявлениями святости, напоминающими иерофанию [LTR 1293 (180^a); 2083 (6, 7)]. Эта ночь когда-то могла восприниматься как период прихода Нового года, превращения хаоса в космос. Из литовских поверий известно, что тогда — около полуночи — начинают говорить животные, а вода превращается в вино. Если кто-то случайно услышит речь животных, то узнает, где спрятаны деньги и другие ценности. А если человек подслушает специально — умрет [BILKŠ 23]. То же случается и с тем человеком, который захочет выпить воду, превратившуюся Рождественской ночью в вино: *Vienas žmogus norėjęs prisigerti vynu. Kūčių naktį pasidėjęs bliūdą vandens, įmerkęs burną ir laukęs, kada vanduo virs vynu. Rytą radę jį negyvą* 'Один человек хотел напиться вина. В ночь перед Рождеством поставил миску с водой, приложил губы и ждет, когда вода превратится в вино. Утром нашли его мертвым' [BILKŠ 23–24]. Следовательно, двенадцать часов ночи — это переходный момент, во время которого, по традиционным представлениям об архаичном празднике, исчезали границы между мирами, поэтому начинались чудеса — явления, характерные для потустороннего мира. Видимо, считалось, что в их течение не волен вмешиваться человек, поскольку трансцендентные тайны для него опасны. Поэтому человек, попытавшийся проникнуть в глубины таинства, умирает, и только в некоторых поверьях говорится, что, подслушав накануне Рождества речь животных и выпив вина / сладкой воды, он обретает свойственное священнику — посреднику между человеком и потусторонним миром — знание и способность проникать в суть доселе непонятных ему явлений (*viską sužino, net gyvulių kalbą supranta; sužino, kur padėti pinigai ir kiti turtai* — 'все узнает, даже язык животных понимает; узнает, куда спрятаны деньги и другие богатства' — BILKŠ 23, № 62, 70). Таким образом, в этом контексте верований, характерных для календарных праздников, упомянутое сказание о женщине, вступившей в сферу чудесного во время Сочельника, кажется достаточно логичным. Только последствия этого несколько иные, чем в поверьях, связанных с рождественской ночью. В сказании утверждается, что в рождественскую ночь, в двенадцать часов, когда вода на одну минуту превращается в вино, женщина отправляется к колодцу с ведрами и начинает набирать вино. Однако она задерживается

лась, минута прошла, и ее со всеми ведрами утянуло на Месяц [LTR 1293 (180^a); см. также LTR 2083 (6, 7)]. Женщина, прикоснувшаяся к объектам иного мира, сама отправляется в потусторонний мир: ее захватывает мифическое существо «иной» сферы — Месяц.

О том, что в распоряжении Месяца находился потусторонний мир, свидетельствуют и молитвы, обращенные к нему. Во многих из них обращаются к Месяцу с прошением о небесном царстве или царстве Перкунаса:

Ai šviesus, šviesus Mēnulēli! Dungun ratų, man sveikatų; tau pilnystį, man dangaus karalystį!

‘Ой светлый, светлый Месячок! На небо круг, мне здоровье; тебе полноту, мне небесное царство’.

B1LMM 20, № 47

Tegul bus pagarbintas jaunas Mēnulis, tau dangus ir žemė, man dangaus karalystė.

‘Да будет благословен Месяц, тебе небо и земля, мне небесное царство’.

B1LMM 20, № 48

Jaunas Mēnuo, jaunikaitis, anas sėdi, kai panaitis. Jam šviesybe, mum linksmyste. Jam pilnyste, mum dangaus karalyste. (Sako, girdėdavę senąsias moteris vietoj «dangaus karalyste» minint «Perkūna karalyste».)

‘Молодой Месяц, молодец, он сидит как барин. Ему светлость, нам веселье. Ему полнота, нам небесное царство. (Говорят, слышали, как старые женщины вместо «небесное царство» говорили «царство Перкунаса»)’.

B1LMM 19, № 30

Mēnuo, Mēnuo, Mēnutėli, dangaus šviesus dievaitėli, duok jam ratų, man sveikatų, duok jam pilnystį, o tum Perkūno karalystį.

‘Месяц, Месяц, Месячик, светлый небесный божок, дай ему круг, мне здоровье, дай ему полноту, а нам царство Перкунаса’.

B1LMM 17, № 2

Видимо, Месяц мог обеспечить попадание человека в небесное царство или царство Перкунаса (последнее и должно находиться на небе).

Более поздними сюжетами, объясняющими происхождение пятен на Месяце, являются те, в которых в качестве основных действующих лиц выступают герои народных легенд или письменных христианских текстов. Это — Твардовский, Каин и Авель, св. Михаил.

Твардовский — легендарный персонаж польского фольклора и художественной литературы. В литовский фольклор он мог попасть из польских преданий и сказаний. Кстати, о нем поют песни и в Киевской области. Твардовский считался колдуном, чернокнижником, то есть человеком, научившимся магии по «черным книгам». Считалось, что он жил в Польше недалеко от Кракова [EP 25, 784–785]. Как в польской, так и в литовской традиционной культуре Твардовский связан с Месяцем. Этот персонаж в польском фольклоре изображается сидящим на Месяце, иногда — повешенным на Месяце до последнего судебного дня или *насаженным на вилы чертом* [SSSL 1, 194]. В литовских сказаниях Твардовский также представляется сидящим на Месяце, зацепившимся за него [LTR 4113 (111); 909 (33); 1160 (80)].

Обычно Твардовский оказывается на Месяце благодаря черту. Многие литовские сказания свидетельствуют о тесных связях колдунов с чертями. Колдуны закладывали чертям душу и после смерти принадлежали им. Представлялось, что нечистая сила забирала колдунов с душой и телом [Vėlius 1977, 238]. В сказании о появившихся на Месяце пятнах черти как раз после смерти сажают Твардовского на Месяц или он сам цепляется за него:

Pasakodavo, kad būk tai išgarsėjęs buvo Tvardovskis. Jis turėjo visokių reikalus su velniais. Tai po mirties, sako, velniai jį nunešė ir pasodino ant mėnulio.

‘Рассказывали, что будто бы Твардовский был знаменит. Он имел дело с чертями. Так после смерти, говорят, черти его унесли и посадили на месяц’.

LTR 4113 (111)

Mėnulyje yra Tvardauskas, kaip jį velnias nešė in peklų, tai jis ten užsikabino ir dabar karo.

‘На месяце сидит Твардовский, как его черти несли в ад, так он за него зацепился и теперь висит’.

LTR, 1160 (80)

Со смертью связан и спутник Твардовского — черт, выполняющий в сказании функцию проводника на «тот» свет. Следовательно, Месяц в сказаниях этого рода предстает как место, куда отправляются умершие.

Связь Месяца со смертью также подтверждают рассказы, в которых повествуется о висящем на нем висельнике. Это может быть повесившийся Твардовский или Иуда: *Seneliai sakydavo, kad Tvardauskas ant mėnulio pasikorįs* ‘Старики говорили, что

Твардовский на месяце повесился' [LTR 3857 (153)]. *Judošius pasikoroęs ant mėnesio* 'Иуда повесился на месяце' [LTR 3867 (198)]. Повешение — неподобающий, нечистый способ ухода из жизни. Почему-то такая смерть и умершие неестественной смертью могли быть связаны с Месяцем как периферией мифического мира.

Многие исследователи традиционной культуры заметили, что Месяц связан со смертью [Элиаде 1999а, 319–324; Vaiškūnas 1992; SSSL 1, 159]. Мотивы связи Месяца со смертью, посмертного путешествия на Месяц встречаются в таких развитых культурах, как индийская, иранская, греческая. В индийской мифологии говорится о душах, которые отдыхают на Месяце в ожидании своего нового воплощения. В иранской мифологической традиции известен рассказ о том, как души умерших, перешедшие мост, летят к звездам и, если они жили праведно, попадают на Месяц, а потом — на Солнце. Пифагорейцы объясняли, что на Месяце есть Елисейские поля (в греческих мифах представляемые как благословенные края), в которые попадали герои, праведники и небожные люди [Элиаде 1999а, 320–321]. Следовательно, поверье, что Месяц и связанное с ним небесное царство является царством мертвых, широко распространено в древних религиях.

При анализе более поздних сказаний о появлении пятен на Месяце нередко явно прослеживается, что новые персонажи, часто пришедшие из письменных источников, вклиниваются в традиционные, почти что ставшие каноническими нарративные тексты. Иногда эти персонажи довольно механически вводятся в характерные повествования, оставляя сюжетную схему достаточно стабильной, сохранной. Примером, иллюстрирующим этот процесс, может быть вариант сказания, в котором Твардовский изображается с коромыслом и ведрами. Если видно, что он набирает воду, то значит, будет дождь [LTR 4646 (10); см. также LTR 1083 (33); 3665 (271)]. Таким образом, Твардовскому приписываются атрибуты женщины, шедшей за водой и притянутой Месяцем, — приспособления для набора и переноски воды, и вообще этот герой связывается здесь с водой и дождем. Все это показывает, с одной стороны, сохранность традиции, с другой стороны, ее лабильность, податливость, способность модифицироваться в условиях изменившегося мировоззрения.

Человеческие очертания, видимые на Месяце, могут быть объяснены еще и исходя из библейского повествования о братоубийстве, совершенном первым сыном Адама и Евы Каином. Как известно, Бог охотно принял овец, пожертвованных Авелем, однако плоды земли, пожертвованные Каином без доброй воли и веры, не

принял. Это вызвало злобу и зависть Каина и побудило его совершить преступление. В фольклорных текстах не приводится вся история отношений Каина и Авеля, а только констатируется, что на Месяце видны Каин и Авель или только один Каин, который несет в ведрах на коромысле кровь брата, держит Авеля на плечах или на вилах [LTR 1252 (315); 1539 (31); 1640 (137); 1315 (188); 2940 (15) и др.]. Один из характерных сюжетов этого типа:

Mėnesyje matyti žmogus su naščiais. Kai Kainas Ablių nužudė, tai Dievas paskyrė jam ant mėnesio per amžius savo brolio kraują su naščiais laikyti.

‘На Месяце виден человек с коромыслом. Когда Каин убил Авеля, то Бог велел ему на месяце вечно держать в ведрах на коромысле кровь своего брата’.

LTR 1640 (137)

Каину, как и Твардовскому, приписывается атрибут человека, видимого на Месяце, — коромысло. Правда, в ведрах чаще кровь и только иногда — вода [LTR 1539 (31)]. В сказаниях упоминается, что Бог велел Каину (или обоим братьям) выполнять эту тяжелую работу в качестве наказания [LTR 1252 (315); 1539 (31)]. Таким образом, и Каин, и Твардовский связываются с Месяцем как отрицательные персонажи, которые за плохие дела оказались на Месяце. Попадание в сферу Месяца расценивается как изоляция человека из «этого» мира и высылка его как недостойного существовать в земном мире.

На Месяце могут оказаться не только провинившиеся герои, но и мифические персонажи, играющие положительную роль. Таким следует считать св. Михаила. На Месяце видно, как он взвешивает человеческие грехи:

Mėnulyje matome šventą Mykolą griekus žmonių sveriant.

‘На Месяце виден святой Михаил, взвешивающий грехи людей’.

LTR 1158 (275)

В христианских письменных источниках Св. Михаил является архангелом, предводителем ангелов, в иконографии представляется как противник дракона (черта). В XI в. в искусстве Византии св. Михаил изображается взвешивающим души [LE 28, 435]. Именно так и характеризуется Михаил в двух вариантах сказаний о происхождении очертаний, видимых на Месяце (см. также LTR 3665 (628)). Итак, Михаил не является преступником или

грешником, наоборот, считается защитником душ, победителем дракона — сатаны, однако он имеет связь, как было упомянуто в процитированном тексте, с грехами людей и, может быть, поэтому помещается на Месяц, куда часто ссылаются непокорные. С другой стороны, связь св. Михаила с Месяцем может объясняться и тем, что, находясь на этом небесном светиле, он заботится о грехах людей, иначе говоря, об их душах.

В молитвах к Месяцу также отражается связь этого небесного тела с душами. К Месяцу обращаются, чтобы он очистил душу и тело, осветил душу так же, как освещает небо и землю:

Jaunas Mēnulaiti, aukštas karalaiti, apcūstyk mano kūnā ir dūšā.

‘Молодой Месяцок, высокий королевич, очисти мое тело и душу’.

B1LMM 21, № 52

Jaunas Mēnulis, dangaus karalaici, cystini dangū, cystini zeme, apcūstyk mano griešnā kūnā ir dūšā.

‘Молодой Месяц, небесный королевич, очищаешь небо, очищаешь землю, очисти мое грешное тело и душу’.

B1LMM 21, № 53

Šviesybēs ponaiti, dangaus karalaiti, apšvietei dangū ir zeme, apšviesk ir mano dūšā.

‘Сиятельный господин, небесный королевич, осветил небо и землю, освети и мою душу’.

B1LMM 21, № 54

В одной молитве просят, чтобы «душенька» после смерти была на небе вместе с Месяцем:

Jaunas Mēnulaiti, dangaus karalaiti, kad mano dūšēlē būt su tavimi po smerties dangujē.

‘Молодой Месяцок, небесный королевич, чтоб моя душенька была с тобой после смерти на небе’.

B1LMM 21, № 55

Итак, Месяц в этих молитвах предстает как очиститель тела и души, как место и объект, с которым желательно связать душу после смерти. Поскольку на Месяце оказываются преступники и грешники — Твардовский, Каин, люди, работающие в праздники, и вообще все те, кто не придерживается повсеместно принятых норм религиозной и социальной жизни, — Месяц представляет определенное место покаяния людей, их душ. В некоторых вариантах сказаний обсуждаемой тематики упоминается, что ви-

димое на Месяце человеческое существо будет стоять там до «Божьего суда» [LTR 2413 (146); 1539 (31); 4638 (215)]. Следовательно, может быть указана определенная временная граница, до которой на Месяце находятся люди, отправленные туда за плохие поступки.

Связь Месяца с душами обнаруживается во многих мифологиях мира. Образ этого небесного тела как места пребывания умерших душ зафиксирован в ассиро-вавилонской, финикийской, хеттской, анатолийской иконографиях. Отсюда эта мифологема распространилась и на памятники и надгробия всей Римской империи [Элиаде 1999а, 324]. Карл Густав Юнг утверждает, что в античном мировоззрении Месяц представлялся местом сборища душ [Jung, 406]. В таком семантическом контексте Месяца оказывается мотивированной связь св. Михаила, взвешивающего грехи (и таким образом его отношение к душам людей), с Месяцем в литовской народной повествовательной традиции.

Архангел Михаил, взвешивающий души, мог «оказаться» на Месяце и из-за сходства своего атрибута — весов — с коромыслом. На основе этого сходства могли возникнуть ассоциации между человеком с коромыслом и св. Михаилом с весами. Ведь в иконографии весы св. Михаила — это повешенные на горизонтальной перекладине два сосуда, в которые помещаются взвешиваемые предметы [LE 28, 434]. Основой для трансформации мифологических образов могло быть не только сходство образов на основании выполняемых ими функций, но и внешняя, достаточно поверхностная, аналогия. Все-таки, скорее всего, этот святой введен в обсуждаемый сюжет о происхождении человеческих очертаний, видимых на Месяце, из-за его семантической корреляции с Месяцем: оба объекта очевидно связаны с душами людей.

Итак, можно констатировать, что в балтийской мифологии Месяц выделен как одно из основных небесных светил, которое тесным образом связано с человеком, физической и ментальной сферами его существования. Месяцу приписывается очевидный признак сакральности: он был персонифицирован и обожествлен, определялся как сын бога или молодой бог. В фольклорных сказаниях проявляется необыкновенная сила Месяца — его притяжение по отношению к людям и другим земным объектам. Этой силой Месяца, которую можно считать одной из основных его функций в контексте мифологического мировоззрения, объясняется происхождение видимых на Месяце изображений человека. Месяц притягивал к себе прежде всего близкие ему и подвластные существа, то есть женщины, характерным атрибутом которых,

как и этого небесного светила, является вода. Вообще Месяц был близок женскому началу: не только тем, что он влиял на ритм жизни женщины, но и с той точки зрения, что он действовал вообще на плодородие и растительный мир. Во многих случаях Месяц забирал в свое царство грешников, хулителей, которым за проступки приходилось отправляться в иную сферу мифического мира. Месяц мог считаться частью потустороннего, посмертного мира, в который отправлялись умершие и их души.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Гамкрелидзе, Иванов — Т. В. Г а м к р е л и д з е, Вяч. Вс. И в а н о в. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, 1–2. Тбилиси, 1984.
- МНМ — Н. А. А л е к с е е в. Якутская мифология // Мифы народов мира, 2. М., 1982, с. 681–682; В. В. И в а н о в. Лунарные мифы // Мифы народов мира, 2. М., 1982, с. 78–80.
- Элиаде 1999 — М. Э л и а д е. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
- Элиаде 1999а — М. Э л и а д е. Трактат по истории религий. СПб., 1999, ч. 1.
- Biezais 1972 — H. B i e z a i s. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972.
- BILKŠ — J. B a l y s. Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.
- BILŽPT — J. B a l y s. Lietuvių žemdirbystės papročiai ir tikėjimai // Lietuvių tautosakos lobynas, 10. Bloomington, 1986.
- BILMM — J. B a l y s. Liaudies magija ir medicina // Lietuvių tautosakos lobynas, 2. Bloomington, 1951.
- EP — Encyklopedija powszechna, 25. Warszawa, 1867.
- HDA — Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli, 6. Berlin; Leipzig, 1934–1935.
- JLMD — Latviešu mitoloģiskās dainas / Izdevis M. Jonval. Paris, [1929].
- Jung — C. G. J u n g. Symbole der Wandlung. Olfen, Freiburg, 1973.
- LE — Lietuvių enciklopedija, 28. Boston, 1963.
- LKG — Lietuvių kalbos gramatika, 1. Vilnius, 1965.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, 2. Vilnius, 1969.
- LMD — Lietuvių mokslo draugijos rankraščiai Lietuvių literatūros ir tautosakos institute Lietuvių tautosakos rankraštyne.
- LTdz — Latviešu tautasdziesmas, 3. Izlasi kārtojuši: A. Ancelāne, K. Arājs, M. Asare, R. Drizule, V. Greble. Riga, 1957.
- LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
- LTT — Latviešu tautas teikas : Izcelšanās teikas. Izlase / Sastādītāja un ievada autore A. Ancelāne. Rīga, 1991.
- LTt — Lietuvių tautosaka, 5: Smulkioji tautosaka. Žaidimai ir šokiai / Medžiaga paruošė K. Grigas. Vilnius, 1968.

- Mannhardt 1936 — M. M a y r h o f e r. Letto-Preussische Götterlehre // Magazin der Lettisch-Literarischen Ges., 21. Riga, 1936.
- ME — Mitologijos enciklopedija, 2. Vilnius, 1999.
- SIS — Sutartinės: Daugiabalsės lietuvių liaudies dainos, 1–3 / Sudarė ir paruošė Z. Slaviūnas. Vilnius, 1958–1959.
- SLT — Smulkioji lietuvių tautosaka XVII–XVIII a.: Priežodžiai, patarlės, mįslės / Paruošė J. Lebedys. Vilnius, 1956.
- SSSL — Słownik stereotypów i symboli ludowych, 1: Kosmos / Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. Zastępca redaktora: Stanisława Niebrzegowska. Lublin, 1996.
- ŠLSP — Šiaurės Lietuvos sakmės ir pasakos / Parengė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1985.
- T — Latviešu tautas ticējumi, 3 / Sakrājis un sakārtojis Prof. P. Šmits. Rīgā, 1940.
- TD — V. V a i t k e v i č i u s. Jaunas mėnulis // Tautosakos darbai, 11(18). Vilnius, 1999, p. 188–194.
- TPD — Teikas par Dievu: Izlase. Rīga, 1929.
- Vaiškūnas 1992 — J. V a i š k ū n a s. Saulės ir Mėnulio simbolika baltų pasaulėžiūroje // Senovės baltų simboliai. Vilnius, 1992, p. 131–149.
- Vėlius 1977 — N. V ė l i u s. Mitinės lietuvių sakmių būtybės. Vilnius, 1977.

Перевод с литовского М. В. Завьяловой